

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Корпус ранних белозерских актов¹

А. Л. Грязнов

Белозерье один из самых северных регионов Северо-Восточной Руси, но, благодаря целому комплексу факторов и удачному стечению обстоятельств, на данный момент это самый обеспеченный актами XV в. регион. Если в сумме по Переяславскому и Московскому уездам сохранившихся актов примерно в два раза меньше, чем по Белозерью, то по остальным уездам сохранность актов еще более удручающая и по таким древним центрам как Ростов и Ярославль мы располагаем буквально единицами актов XV в.²

Каждый из актов этого периода уникальный и ценный исторический источник и заслуживает отдельного и обстоятельного изучения. Но наступает момент, когда количество перерастает в качество, и нам становятся доступны новые пласты информации. Тем важнее дать хотя бы краткую характеристику сохранившейся совокупности ранних белозерских актов.

Общее число текстуально сохранившихся актов, датируемых временем до начала правления Василия III, порядка 370. Еще более сотни актов известны по упоминаниям. Основной массив древнейших белозерских актов опубликован в трех томах АСЭИ. 32 текста актов из митрополичьего архива изданы в первом томе АФЗХ и три белозерских акта опубликованы в ДДГ в качестве приложений к духовной князя Михаила Андреевича. Вполне закономерно, что среди актов XV в., выявленных после завершения издания АСЭИ, самое большое число относится к Белозерью. В общей сложности в разных изданиях на данный момент опубликовано еще 27 актов. Кроме того, обнаружены новые, более исправные списки еще нескольких актов.

К 70-м и 80-м гг. XIV в. относится по одному сохранившемуся тексту³. Еще один акт конца XIV в. известен по упоминанию⁴, а о купчей первой трети XIV в. сообщается в родословной легенде Монастыревых⁵. К первой трети

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Каталог белозерских актов XIV – XVI вв.» № 16–11–35002.

² Статистика по сохранившимся актам (до 1505 г.) приведена в работах С. З. Чернова (*Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 12–13.*)

³ Это купчая Павла Харитоновна и купчая Андрея Захарьинича (*Грязнов А. Л. Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 49; АСЭИ. Т. 2. № 1. С. 15.*)

⁴ Это купчая Офимьи Кормилицыной (упомянута АСЭИ. Т. 2. № 90. С. 54).

⁵ *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 527; Кузьмин А. В. Боярство Ростовской земли конца XII – начала XV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 73. А. В. Кузьмин справедливо отметил,*

XV в., т.е. к тому времени, когда Белозерье входило в удел можайского князя Андрея Дмитриевича, относится 60 документов. К периоду до 1486 г., т.е. до ликвидации белозерского удела, относится примерно 200 актов и еще около сотни документов относятся к правлению Ивана III.

Большинство белозерских актов происходят из архива Кирилло-Белозерского монастыря, но кроме Кириллова монастыря сохранились документы по владениям Троице-Сергиева, Ферапонтова и Симонова монастырей. В митрополичьем архиве хранились документы на белозерские владения Череповецкого и Новоспасского монастырей и самой митрополичьей кафедры. Прослеживаются следы древнейшей части архива Троицкого Усть-Шехонского монастыря. Фрагменты частных архивов некоторых феодальных семейств дошли до нашего времени в составе монастырских собраний. Благодаря этому частичной реконструкции поддаются владельческие архивы XIV – XV вв. бояр Монастыревых, князей Кемских и Согорских. Известны небольшие фрагменты архивов местных землевладельцев Горбовых и Акинфовых, но все же основной массив документального наследия – это собственно монастырские акты, поскольку практически все частные акты древнейшего времени к настоящему времени утрачены. Притом, что частных актов, судя по всему, было во много раз больше, чем монастырских⁶.

Тем не менее, имеющийся массив белозерских актов позволяет проследить генеалогию нескольких родов местных землевладельцев на протяжении XIV–XVI вв. Благодаря этому становится видна не только эволюция крупного, среднего и мелкого землевладения, но и появляется возможность выявить его истоки, увидеть процесс зарождения. Не менее интересна возможность исследования социальной динамики отдельных семейств.

На примере бояр Монастыревых мы видим, что источником крупного и сверхкрупного боярского землевладения являлось княжеское пожалование. Очевидна и прямая связь материального благополучия, близости к князю и вовлеченности в управление княжеством. Для XV в. можно говорить, что Монастыревы занимали около половины мест в думе белозерских князей московской династии и оставались сильнейшим родом после потомков князя Глеба Васильковича вплоть до опричных переселений⁷.

Источником родового землевладения родов Горбовых и Онтонидиных стала документально оформленная в 1370-х гг. покупка их родоначальником Павлом Харитоновым крупной вотчины у белозерского боярина Ильи

что сведения о покупке вотчины были включены в родословную Монастыревых довольно поздно. Однако, для нас более важно, что эта легенда вполне соответствует всей остальной имеющейся информации о землевладении Монастыревых и хронологически достоверна.

⁶ Это относится и к актам XVI в. В сохранившихся документах упоминаются десятки частных актов этого времени (как местных землевладельцев, так и посадских людей Белоозера).

⁷ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 374–396; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.; Л., 1951. С. 169–175; *Грязнов А. Л.* Двор Верейско-Белозерских князей в 1389–1486 гг. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 29–31, 50–51.

Краковля⁸. На протяжении пяти поколений эта вотчина оставалась в руках потомков Павла, и сохранившаяся часть семейного архива позволяет реконструировать историю этой вотчины на протяжении почти двух столетий. Примечательно, что некоторые акты были составлены и написаны самими Онтонидиными и Горбовыми.

Показательны примеры и по вотчинам средних размеров. Сопоставление актов XV–XVI вв., относящихся к ближайшей округе Кирилло-Белозерского монастыря – Федосьину Городку, позволяет связать в одну непрерывную цепочку восемь поколений местных землевладельцев, которые в историографии относились к разным родам⁹: Андрей Кормилицын – Микита Каргободский – Алеша Маурин – Леонтий Заец – Скурат, Русин и Третьяк Зайцевы. Оказывается, во времена преподобного Кирилла эта семья владела вотчинами практически у стен монастыря¹⁰. Поэтому, скорее всего, именно основатель рода Андрей Кормилицын описан в житии Кирилла Белозерского как некий Андрей, живший недалеко от монастыря и предпринявший попытку сжечь монастырь, а затем раскаявшийся¹¹. Основные вотчины Кормилицыных были сконцентрированы в Федосьином Городке¹² и уже существовали на рубеже XIV–XV вв., т.е. в то время когда им владела белозерская княгиня Федосья. Следовательно, скорее всего, Андрей Кормилицын был связан с Федосьей служебными отношениями. В одном из актов середины XV в. упоминается мать Андрея Кормилицына Офимья, которая покупала вотчину в Киснеме¹³. Статус Офимьи, прозвище ее сына, указывающее на то, что он сын кормилицы, и крупная вотчина в Федосьином Городке, по соседству с резиденцией Федосьи, могут свидетельствовать о связи этой семьи с семьей белозерского князя Федора Романовича¹⁴.

Совокупность сохранившихся белозерских актов дает возможность более детально изучить местную делопроизводственную практику в XV в. Первое – самое общее наблюдение – язык грамот. Несмотря на определяемую филологами близость белозерско-вологодских диалектов к новгородскому, язык белозерских грамот очень близок делопроизводственному языку других

⁸ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. С. 180; *Грязнов А. Л.* Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы. С. 35–49.

⁹ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. С. 97, 134, 177.

¹⁰ Местность Каргобод (по которой получил прозвище Микита Каргободский) локализуется между Сиверским и Уломским озерами, а Кириллов монастырь фактически находился на окраине этого микрорегиона.

¹¹ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 80–83.

¹² Кроме Каргобода значительная вотчина, сохранившаяся до 1560-х гг., была у Кормилицыных на левом берегу Шексны, ниже села Федосьин Городок.

¹³ АСЭИ. Т. 2. № 90. С. 54. Об этой сделке см.: *Чернов С. З.* Из истории Киснемы последней четверти XIV – начала XV века // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 15.

¹⁴ *Грязнов А. Л.* Новая элита в Белозерье в XV – начале XVI в. // Некрасовские чтения (памяти д.и.н., профессора Ю.К. Некрасова). Материалы II Всероссийской научной конференции. Вологда, 2016. С. 153–154.

княжеств Северо-Восточной Руси. Причем это характерно как для грамот, происходящих из княжеской канцелярии (для которой московское влияние вполне закономерно), так и для частных актов, составленных самими белозерцами. В качестве материала для письма используется бумага. Единственное исключение — купчая Андрея Захарьинича у княгини Федосьи на пустошь Кичивинскую 1380-х гг., которая написана на пергаменте. В то время как для новгородских грамот характерно использование пергамента и в XV в.¹⁵ Возможно, выбор материала для написания купчей связан с более ранней местной делопроизводственной традицией или же статусом самой вдовой княгини Федосьи, а, возможно, в данном случае сказалось новгородское влияние, поскольку покупателем вотчины, по всей вероятности, выступал новгородский боярин.

Одна из самых крупных групп белозерских актов — княжеские жалованные грамоты. Благодаря им мы видим, что существовало специальное учреждение — княжеская канцелярия, с определенным штатом дьяков и подьячих, которые обладали соответствующей компетенцией. Видно, что княжеские грамоты оформлены по единому образцу, а значит, дьяки придерживались определенных делопроизводственных стандартов. Сопоставление с грамотами правителей других княжеств показывает, что белозерские жалованные грамоты оформлялись схожим образом с грамотами других князей московской династии. По московскому образцу на обороте грамоты ставилась подпись князя, а с середины XV в. на белозерских грамотах, как и на грамотах московских князей, появляются подтверждения предыдущих пожалований (вместо выдачи новых грамот). Ярко выраженных местных особенностей, как например, в Ярославском или Ростовском княжествах, в содержании белозерских грамот выявить пока не удалось¹⁶. Однако для ранних белозерских грамот характерна формула «не надобе моя дань, ни иная никоторая пошлина»¹⁷. Она близка к ростовской традиции с употреблением формулы «все пошлины». Уже при князе Андрее Дмитриевиче в эту краткую формулу спорадически начинает добавляться упоминание одной из этих пошлин — белки: «не надобе моя дань, ни белка, ни иная никоторая пошлина»¹⁸, но эта формула

¹⁵ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; *Мошкова Л. В.* Грамоты Коллегии экономии XV — первой трети XVI в. по Двинскому уезду: привлекательная архаика // Архив русской истории: Сб. РГАДА. Вып. 9. Сборник статей в честь Ю. Д. Рыкова. М., 2017 (в печати).

¹⁶ Например, в ростовских грамотах употреблялся оборот «все пошлины», а в ярославских — «пошлые земли» (Грязнов А. Л. Бохтюжское княжество и землевладение Дионисьево-Глушицкого монастыря в XV в. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории // Средневековая Русь. Вып. 11. М., 2014. С. 367–368).

¹⁷ *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 97; *Ивина Л. И.* Жалованные грамоты первого удельного князя Московского дома первой трети XV в. и Кириллов монастырь на Белоозере: княжеская власть и отношения ее с монастырем // Российское государство в XIV — XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 202 (см.: АСЭИ. Т. 1. № 172; Т. 2. № 9, 45, 66, 67 и др.).

¹⁸ АСЭИ. Т. 2. № 44, 48, 50, 65.

все равно серьезно отличается от формул с подробным перечислением состава податей, содержащихся в грамотах, относящихся к центральным районам Северо-Восточной Руси.

Одним из самых выразительных общих элементов грамот из канцелярий князей московской династии являются дьяческие монограммы. Причем самая ранняя из сохранившихся монограмм поставлена на белозерской грамоте¹⁹. Поставивший ее дьяк подписался и благодаря этому мы знаем, что эта монограмма принадлежит дьяку Захарии. Д. А. Морозов обратил внимание, что некоторые дьяческие монограммы и ряд более пространных текстов на актах XV в. выполнены уйгурской письменностью. К числу таких уйгурографичных монограмм принадлежит и знак белозерского дьяка Захарии. Саму монограмму, как кажется, можно расшифровать. На уйгурском языке это, по всей видимости, значит «Захар»²⁰.

Из других белозерских грамот мы узнаем и отчество этого приближенного белозерского князя. В двух грамотах он назван Захарием Ильиным²¹. По документам середины – второй половины XV в. прослеживаются и его потомки – братья Насон и Степан Захарьины, Максим и Степан Насоновы и Гридя Степанов. Эта семья владела крупными вотчинами на восточном берегу Белого озера (кроме проданных Вашек это соседние Вашпан, Липник Боярский, Мунга и Ухтома), благодаря чему Захария Ильина, жившего в начале XV в., можно считать сыном белозерского боярина Ильи Краковля, владевшего вотчиной на восточном берегу Белого озера еще во времена князя Федора Романовича²². Если это отождествление верно, то в случае с Захарией Ильиным нам становится известно его происхождение, статус его предков и потомков. Происхождение дьяка Захарии из боярского рода не должно удивлять. Для администраторов высшего ранга это было нередким явлением. Например, из боярского рода Монастыревых происходил известный дьяк второй половины XV в. Иван Ципля, дьяком вологодского князя Андрея Меньшого был Василий Ухтомский²³, происходивший из служилых белозерских князей. Интересно другое. Белозерец по происхождению овладел довольно сложной уйгурской письменностью.

С середины XV в. графика дьяческих монограмм меняется с уйгурской на кириллическую. Одним из ярких примеров такой монограммы является знак белозерского дьяка Ивана Ципли. Его монограмму тоже можно

¹⁹ АСЭИ. Т. 2. № 51. С. 35.

²⁰ Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173–199; Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2017. Вып. 19. С. 5–6.

²¹ АСЭИ. Т. 2. № 31, 38.

²² Грязнов А. Л. Купчая Павла Харитонова: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы. С. 40.

²³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 559, 533; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерки развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 174–175, 180.

расшифровать. В ней, как это ни странно, скрыто имя «Иван»²⁴. Наблюдения за монограммами как белозерских дьяков, так и дьяков других князей дают картину работы княжеских канцелярий в динамике. Во-первых, сами дьяческие монограммы — это своего рода удостоверяющий знак. Их наличие на грамоте — подтверждение того, что документ выдан с ведома лица, в ведении которого находится соответствующая сфера.

Во-вторых, язык ранних монограмм, использование уйгурской письменности, на которой велось официальное делопроизводство монгольской империи, а затем и Золотой Орды, свидетельство включенности русских княжеств в ордынскую политическую структуру. Ярлыки русским князьям и церковным иерархам писались уйгурским алфавитом. Он же, очевидно, использовался и для ответных посланий. Соответственно, присутствие в княжеской канцелярии дьяка, знавшего уйгурскую письменность, свидетельствует о возможности соответствующего князя (в нашем случае — Андрея Дмитриевича) вести самостоятельные сношения с Ордой и получить ярлык на свое княжество²⁵.

В-третьих, участие дьяка, сферой компетенции которого были внешнеполитические сношения, в составлении обычных жалованных грамот, может свидетельствовать о не очень четком разграничении этих сфер внутри княжеской канцелярии.

В-четвертых, переход на кириллические монограммы, как в белозерском уделе, так и в других уделах, вероятно, свидетельствует о вытеснении удельных князей из внешнеполитической сферы. Это выразилось в межкняжеских договорах, по которым знать Орду — прерогатива великого князя²⁶.

Суммируя сведения о дьяках белозерского князя Михаила Андреевича, Ю. Г. Алексеев отметил, что неизвестной остается монограмма дьяка Ивана Тимофеева и неясно происхождение и подробности биографии дьяка Ивана, подписавшего несколько княжеских грамот в 1460–70-х гг.²⁷ Обращение к подлинникам грамот, подписанных этими дьяками, позволяет разрешить эти два вопроса.

²⁴ Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2017. Вып. 18. С. 34-35; Грязнов А.Л., Мошкова Л.В. Принципы чтения дьяческих монограмм. С.11–12.

²⁵ Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призывание, творчество, научное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 155.

²⁶ Отказ детей князя Андрея Дмитриевича Ивана и Михаила от права контактов с Ордой зафиксирован в договорной грамоте 1445 г. («А нам, господине, Орды не знати») (ДДГ. № 41. С. 122). Переход на кириллические монограммы наблюдаем и у великокняжеских дьяков, что можно связать с усилением дьяческой специализации. Ко второй половине XVI в. уйгурская письменность в великокняжеской канцелярии была полностью забыта. По описи царского архива XVI в. в ящике 148 хранились «дефтери старые от Батыея и от иных царей; переводу им нет — ниhto перевести не умеет» (Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 32).

²⁷ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 174–176.

Почерк подписи дьяка Ивана совпадает с почерком Ивана Ципли, что дает основания для отождествления обоих дьяков и существенно уточнить служебную биографию самого Ивана Ципли. Количество грамот, составленных под его контролем, подтверждений и судебных решений²⁸ показывает его значительную роль в канцелярии князя Михаила Андреевича в 1460–70-х гг. Дьяк Иван Тимофеев действительно не имел своей монограммы, но окончание его подписи оформлено в некоторой степени декоративно. Поэтому оформление подписи Ивана Тимофеева можно считать переходной формой между кириллическими дьяческими монограммами второй половины XV в. и дьяческими подписями XVI – XVII вв. (состоящих из четко написанных имени и фамилии).

Анализ почерков грамот, составленных в белозерской княжеской канцелярии, позволяет выявить грамоты, написанные разными подьячими и определить дьяков, ставивших на грамотах удостоверительные подписи. На данный момент на грамотах из фонда ГКЭ можно выделить почерка шестерых составителей грамот²⁹. По подписям и монограммам нам известны восемь дьяков белозерских князей (Захарий Ильин, Кулударь Ирежский, Иван Котов, Иван Ципля, Афанасий, Иван Щербина, Иван Шимонов, Иван Тимофеев, Назарий) и два дьячка (Федко и Неклюдец). Ряд поздних грамот подписали печатники попы Иев и Иван. Еще одну грамоту подписал некий Иринарх³⁰. Имя еще одного дьяка князя Михаила Андреевича пока остается невыясненным, но в подписи княжеского имени на обороте одной грамоты удается выделить его индивидуальный почерк³¹.

Еще один пример, когда при анализе требуется задействовать значительную часть сохранившихся актов – это определение достоверности неподлинных грамот. Это могут быть как аутентичные списки, так и подделки. В некоторых случаях встречаются контаминированные акты, т.е. документы, в которых за основу взят подлинный документ, но в него внесены исправления.

Примером неподлинного акта является известная отводная книга на владения Кирилло-Белозерского монастыря. Обычно этот документ датируется 1492 годом. Книга имеет заголовок «Грамота отводная» и скрепу белозерского писца Михаила Дмитриевича Шапкина, т.е. претендует на подлинность. Помета на л. V об. Указывает, что с нее была сделана копия в монастырскую копиянную книгу. В АСЭИ Отводная опубликована как подлинная книга начала XVI в.³²

²⁸ Например, дьяк Иван зафиксировал судебные решения на оборотах древнейших кирилловских грамот (см.: АСЭИ. Т. 2. № 2, 3).

²⁹ *Мошкова Л. В.* Грамоты XV – первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2016. Вып. 17. С. 83–84 (почерк № 1 – грамоты во втором томе АСЭИ № 90, 155; № 2 – № 111; № 3 – № 112, 391; № 4 – № 122, 159, 167, 188; № 5 – № 233, 237; № 6 – № 189, 190).

³⁰ АСЭИ. Т. 2. № 68. С. 44.

³¹ АСЭИ. Т. 2. № 236 (НИА СПбИИ. Кол.12. Оп. 1. Д. 113).

³² АСЭИ. Т. 2. № 290.

Сомнения в подлинности Отводной книги вызывают филигранные второй четверти XVI в., а не конца XV — начала XVI в., отсутствие печати и заверения дьяка и наличие нехарактерной для документов XV в. скрепы старшего из писцов — Михаила Шапкина³³. В комментариях к публикации И. А. Голубцов, опираясь на результаты исследования Отводной книги Н. П. Успенским, отметил, что в результате межевых работ Михаила Шапкина и Ивана Семенова монастырь получил на руки правые грамоты и отводные списки по отдельным тяжам, а общий документ монастырские власти получили только после смерти Ивана III. По мнению И. А. Голубцова сохранившаяся рукопись Отводной составлена в монастыре на основе казенного отводного списка с сокращениями и дополнениями (из современных судебных документов). В пользу этого говорят сокращения в заключительной части Отводной, нехарактерное для официальных документов именование писцов, выдержанный полууставной почерк и манера написания некоторых прилагательных.

Наблюдения И. А. Голубцова можно расширить. Отводная книга состоит из нескольких частей, которые описывают отдельные территориальные комплексы монастырской вотчины. Эти комплексы указаны в оглавлении книги (даны под номерами начиная с «В» (т.е. с № 2)). Нумерация повторена на верхнем поле каждого листа. В оглавлении отсутствует первый территориальный комплекс — околмонастырская вотчина, но на верхнем поле рукописи нумерация проставлена верно — буквой «а».

Содержание Отводной книги вполне соответствует сохранившимся документам как в плане владельческом, так и в хронологическом. Проверка владельческой истории ряда монастырских вотчин и граничащих с ними владений светских землевладельцев, показывает, что сведения Отводной грамоты подтверждаются более ранними документами. Значительную группу лиц, упомянутых в Отводной, удастся соотнести с белозерскими землевладельцами XV в., а составленные на основании актов XV — XVI вв. родословные показывают, что эти лица жили именно во второй половине XV в. Однако, в судебных делах начала XVI в. (разбираемых комиссией белозерского писца Василия Григорьевича Наумова) кирилловские старцы ссылались на память старожильцев и на книги Михаила Шапкина, хранившиеся в великокняжеской казне. Следовательно, в 1505 г. у монастыря еще не было Отводной книги. Кроме того. В архиве Ферапонтова монастыря также хранились подлинники судебных списков на монастырские владения в разных белозерских волостях, но никакого подобия Отводной книги не известно.

Текст книги обрывается на середине фразы³⁴, и последняя строка

³³ *Мошкова Л. В.* Неподлинные акты XV — первой трети XVI в.: «умысел на обман» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XVII Международной научной конференции. М., 2015. С. 327–328. Подробнее о филигранных и почерке рукописи Отводной книги см.: *Мошкова Л. В.* Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья вторая) // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2017. Вып. 19. С. 77–80.

³⁴ Более детально проверка владельческих прав Кирилло-Белозерского монастыря на земли на Колкаче изложена в подлинном отводном докладном списке (АСЭИ. Т. 2. № 289. С. 203–209).

текста — единственная на листе 32. Скорее всего, действительно, как и предполагал И. А. Голубцов, Отводная книга — копия более ранней рукописи. Причем на момент копирования в ранней рукописи уже было повреждено оглавление и утрачено окончание (как минимум несколько листов), поскольку значительная часть монастырской вотчины в Отводной книге не записана. Это деревни, располагавшиеся на правом берегу среднего течения Шексны — бывшие вотчины Монастыревых и Лихаревых. Два описания этого района, произведенные Михаилом Дмитриевичем Шапкиным и Иваном Головой Семеновым, сохранились в монастырском архиве.

Судя по всему, текст Отводной книги, составлявшийся Шапкиным, власти Кирилло-Белозерского монастыря получили после 1505 г. Вероятнее всего, копия Отводной выдавалась на руки писцовым комиссиям Василия Наумова и Ивана Заболоцкого (1504/05 г. и 1510/11 г.), которые использовали ее как справочник при проведении судебных разбирательств. От кого-то из членов этих писцовых комиссий власти монастыря и могли получить копию Отводной. Возможно, уже в это время она была повреждена и у нее не хватало окончания. Именно с попыткой восполнить утрату, вероятно, связано включение в состав Отводной текста описания Колкача, которое отличается по принципам изложения информации от предыдущего текста Отводной и является явной вставкой в первоначальный текст³⁵.

Обнаруживается и интересный пример действий судейской коллегии в пользу монастыря и в ущерб крестьянам черной волости. По результатам разбирательства комиссии Михаила Шапкина, крестьяне Федосьина Городка выиграли спор с Кирилловым монастырем, но грамоту с судебным решением им получить на руки не удалось («и они, господине, у старцов посулы поимали, а нам, господине, конца не доспели») ³⁶. Во время описательных работ 1505 г. крестьяне вновь инициировали судебное разбирательство. Писец затребовал в великокняжеском архиве копию жалованной грамоты князя Михаила Андреевича на спорный участок и, судя по тексту судебного решения, из казны прислали копию грамоты, незначительно отличающуюся от текста, предъявленного монастырем в 1492 г. Спор шел об одной из пожень в Алексеевском наволоке и в жалованной грамоте князя Михаила Андреевича, воспроизведенной в Отводной книге 1492 г. и монастырской копийной книге 1540-х гг., объект пожалования описан так: «дал... пожно в Лексееве наволоке, что косил Микула Семионов сын Пестов; да придал есми к микулину закусу поженку Проскурницинскую в том же в Лексееве наволоке» ³⁷. В копии же грамоты, якобы присланной из великокняжеской казны, было написано: «дал... пожно Олексеев наволоке, что косил Микула Семенов сын Пестов, да придал есми к Микулину закусу поженку Проскурницинскую

³⁵ Это несоответствие описания Колкача отметил еще И. А. Голубцов.

³⁶ АСЭИ. Т. 2. № 309. С. 266.

³⁷ АСЭИ. Т. 2. № 262. С. 175–176; Там же. № 290. С. 239. Цит. по: ОР РНБ. Кир.-Бел. Q.120. Л. 23 об.

в том же в Алексееве наволоке»³⁸. Если в подлинной грамоте речь шла о пожаловании монастырю двух пожон в Алексеевом наволоке (в котором, судя по крестьянскому челобитью, были и другие пожни), то в копии, представленной в 1505 г. речь идет о пожаловании всего Алексеева наволока. Очевидно, что на каком-то этапе получения новой копии грамоты в 1505 г. было произведено небольшое исправление ее текста, выгодное монастырю³⁹, из-за чего крестьяне закономерно проиграли тяжбу.

Монастырские копийные книги сохранили множество ранних актов, не дошедших до нашего времени в подлинниках. О том, что при копировании возможны ошибки, причем весьма существенные, свидетельствует пример с одним из древнейших монастырских актов — меновной преподобного Кирилла с попом Окулом на пожню на Шексне. Эта меновная издана по списку, включенному в древнейшую копийную книгу Кирилло-Белозерского монастыря⁴⁰. Особенностью этой копийной книги является то, что часть актов в нее включена дважды. К их числу относится и меновная с попом Окулом (она находится на л. 26 и л. 54 об.). При издании этой книги Н. Н. Дебольский не стал включать в публикацию повторяющиеся тексты и поэтому дубликат меновной остался не издан⁴¹. При подготовке второго тома АСЭИ. И. А. Голубцов взял за основу текст на л. 26. Однако, как оказывается, более исправным является список на л. 54 об. В нем, например, указан объект, который Кирилл обменял попу Окулу (в копии на л. 26 это предложение пропущено). Еще одна ошибка обнаруживается в перечне послухов. Вторым из них в опубликованных текстах значится Григор Чупа скорнечишко. В более исправной копии в этом месте вместо уничтожительного «скорнечишко» читаются имена еще двух послухов: «Григорий Чупа, Корен, Шишка...»⁴². Крестьянин Корень упоминается в другой грамоте преподобного Кирилла. Он продал свою пожню, а его соседом назван поп Фрол, писавший меновную с попом Окулом⁴³. Некий Шишка в других документах не упоминается. Может быть, здесь мы имеем дело с неправильным прочтением имени Чешко, еще одним соседом попа Фрола, Кореня и Григория Чупы?

Ранние грамоты белозерских монастырей между 1486 и 1492 гг. были изъяты в великокняжескую казну. Об этой операции, которую проводил дьяк Василий Долматов, неоднократно говорится в белозерских документах конца XV — начала XVI вв. Теоретически, ни в Кирилловом, ни в Ферапонтовом монастыре не должно было остаться подлинных документов, выданных до 1486 г. Однако, судя по позднейшим описаниям монастырского

³⁸ АСЭИ. Т. 2. № 309. С. 267.

³⁹ Трудно подозревать в подмене кого-то конкретно из участников судейской коллегии, но не этот ли неизвестный затем предоставил монастырю список Отводной книги 1492 г.?

⁴⁰ АСЭИ. Т. 2. № 35. С. 27–28.

⁴¹ Дебольский Н. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900.

⁴² ОР РНБ. Кир.-Бел. Q.IV.120. Л. 54 об.

⁴³ АСЭИ. Т. 2. № 5. С. 17.

архива⁴⁴ и архивным собраниям новейшего времени⁴⁵, сформированным из монастырских документов, подлинников XV в. достаточно много. Получается, что Василию Долматову удалось изъять далеко не всю владельческую документацию белозерских монастырей⁴⁶.

Еще одна операция по изъятию владельческой документации, хранившейся в монастырях, проводилась в 1754–1756 гг. Подборки монастырских актов были высланы в Москву и составили обширный фонд «Грамоты Коллегии экономии»⁴⁷. Теоретически и в этом случае, изъятию должен был подвергнуться весь массив поземельных актов (поскольку для монастыря акты потеряли ценность в результате перевода монастырских земельных владений в ведение Коллегии экономии). Однако, археографам и собирателям XIX в. удалось «добыть» в монастыре еще несколько десятков актов, а значит, часть владельческого архива, в том числе и некоторые подлинные документы, еще оставалась в стенах монастыря⁴⁸.

Заметной проблемой при реконструкции судьбы монастырской владельческой документации является изъятие из состава фонда Грамот Коллегии экономии некоторых актов историками и коллекционерами XIX в. Самый известный случай в этом плане – деятельность Н. Г. Головина, в коллекции которого оказалось несколько десятков подлинников монастырских актов, а в фонде ГКЭ подделки этих грамот⁴⁹. Вероятно, некоторые грамоты изымались из фонда и без замены на дубликаты. Оказывается, можно выявить и такие грамоты. Дело в том, что при формировании подборок монастырских актов в 1754–1756 гг. составлялся их реестр, а на обороте соответствующей грамоты проставлялся ее порядковый номер в этом реестре. Характерной особенностью грамот из фонда ГКЭ является именно наличие таких номеров. Обычно двух-трех, что, видимо, отражает различные этапы формирования фонда. В фонде Духовной консистории ГАВО (Ф. 496) отложились материалы, посвященные комплектованию и отправке в Москву документов

⁴⁴ *Маштафаров А. В.* Опись архива Кирило-Белозерского монастыря 1591 года // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 360–366; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб., 1998. С. 199–212 (см. подробный комментарий к описанию монастырского архива, составленный З. В. Дмитриевой – С. 332–344).

⁴⁵ Подлинники и списки XV в. белозерских поземельных актов распылены по нескольким архивохранилищам и включены в фонды ГКЭ (РГАДА), П. М. Строева и Н. Г. Головина (НИА СПбИИ), ОСАГ (ОР РНБ), С. А. Уварова (ГИМ) и др.

⁴⁶ И. А. Голубцов насчитывал до 130 подлинников и древних списков ранних актов, которые так и не были изъяты Василием Долматовым (АСЭИ. Т. 2. С. 7).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 281.

⁴⁸ К числу таких документов, по всей видимости, относились грамоты, вошедшие позднее в состав коллекции П. М. Строева. Сейчас, например, в КБГИАХМЗ хранится духовная Кирилла Белозерского, считающаяся подлинником (ОПИ КБГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 18. (КП 3274)).

⁴⁹ *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по российской истории в XVIII – начале XXI века. М., 2015. С. 317–321; *Мошкова Л. В.* Фальсификация русских актов в первой половине XIX в.: проблемы изучения // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2015. Вып. 11. С. 58–67.

белозерских монастырей (поскольку Белозерский уезд в то время входил в состав Вологодской епархии)⁵⁰. Обращение к реестру кирилловских актов, отправленных в Коллегию, показывает, что номера на оборотах грамот проставили еще до отправки в Москву (уже в Вологде или непосредственно в Кириллове) и один из этих номеров соответствует номеру грамоты в реестре⁵¹. Обнаружение такого номера на грамоте из коллекции какого-нибудь собирателя (и заголовка этой грамоты под соответствующим номером в реестре) дает все основания полагать, что она была изъята из фонда ГКЭ.

Жемчужиной коллекции Н. Г. Головина являлась упомянутая выше купчая Андрея Захарыничина у белозерской княгини Федосьи на пустошь Кичивинскую на Волоке Славенском⁵². Грамота написана на пергаменте и не только имеет вид, но и на самом деле является одним из древнейших сохранившихся монастырских документов. В фонде Головина она закономерно значится под № 1⁵³. Грамота однозначно происходит из Кирилло-Белозерского монастыря, поскольку относится к кирилловским владениям, да и список грамоты содержится в монастырских копийных книгах⁵⁴. На обороте купчей сейчас никаких пометок нет⁵⁵, но сохранилось ее описание в реестре кирилловских актов, отправленных в Коллегию экономии. В нем купчая значится под № 33, а описание однозначно свидетельствует о том, что в Москву была отправлена грамота, которая затем оказалась в коллекции Н. Г. Головина: «Купчая княгини Федосьи Федоровы Андрею Захарычю на проданную ею пустошку Кочевинскую и з землями, и с водами, и с пожними, и с путикому, [и с пожня] с обе стороны Словенки реки. Писана купчая на семи строках на телятине: подписания рук не имеется и году не написано:»⁵⁶. Следовательно, в данном случае мы имеем прямое доказательство похищения документа из фонда ГКЭ.

Дальнейшее комплексное изучение уникального массива белозерских актов позволит значительно углубить наши знания по истории, как самого региона, так и всей Северо-Восточной Руси, подробно изучить делопроизводственную практику XV – XVI вв., а также проследить судьбу владельческих архивов крупных и мелких духовных корпораций на протяжении XV – XIX вв.

⁵⁰ Кроме Кирилло-Белозерского в отдельные подборки комплектовали документы Ферапонтова, Троицкого Усть-Шехонского, Горицкого и Кирилло-Новоезерского монастырей (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1005).

⁵¹ Например, грамота ГКЭ. № 702 записана в реестре под № 89 (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2486. Л. 151 об.), грамоты ГКЭ. № 704 – под № 114, ГКЭ. № 705 – под № 112, ГКЭ. № 707 – под № 115 (там же. Л. 154 об.), а ГКЭ. № 710 – под № 75 (там же. Л. 150).

⁵² АСЭИ. Т. 2. № 1. С. 15.

⁵³ НИА СПбИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁴ ОР РНБ. СПбДА. А1/16. Л. 190.

⁵⁵ Н. Г. Головин старался скрыть следы происхождения актов в своей коллекции. Оборот многих из них заклеен, чтобы не было возможности разглядеть на них архивные пометки. С пергамента чернила можно было смыть.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2486. Л. 143 об.